

Надо ли учить ребенка вежливости?

Симон Соловейчик

Возьму на себя смелость поставить под сомнение одну, казалось бы, бесспорную истину: а надо ли учить детей вежливости?

Ничто, пожалуй, не возмущает нас так сильно, как человек вежливый, но бессердечный. Мы прекрасно знаем: одной внешней культуры мало, нужна ещё культура внутренняя.

Но не все понимают, что два эти вида культуры, хоть и объединяются они одним словом, – явления, совершенно разные по своей природе. Внешняя культура – набор привычек, навыков поведения; в основе культуры внутренней лежит некая психическая способность, такая же, как память, внимание или музыкальный слух. Её, эту способность, можно по аналогии назвать сердечным слухом.

Не нужно быть специалистом, чтобы заметить: привычки (навыки) и способности приходят к людям по-разному. Навыки прививают, способности развивают. Привычка связана с автоматизмом, способность – с творческим отношением к жизни. То, что полезно для образования привычки, чаще всего вредно для развития способностей, и наоборот.

Вы пришли в гости, принесли маленькому мальчику подарок. «Что надо сказать?» – строго напоминает мама. «Спасибо», – бурчит сын. Сказав одно это «волшебное слово», он как бы рассчитался с гостем. Ему вроде бы и незачем теперь выражать благодарность улыбкой, радостью. Привычка к вежливости укрепилась, сердечный слух притупился... Сто или тысяча таких упражнений – и от драгоценного этого природного свойства не останется и следа.

Мне кажется, далеко не каждый ребенок может одновременно и приучаться к вежливости, и развивать сердечный слух. Ибо правила вежливости как раз и рассчитаны на то, чтобы человек, например, выражал благодарность, даже если он её не чувствует. Преждевременно приучая сына или дочь выказывать словами чувства, которых он ещё не испытывает, мы можем заглушить эти чувства навсегда.

Зачем мы, например, заставляем ребенка говорить «спасибо»? Думаю, чаще всего, чтобы хорошо выглядеть перед людьми, показать воспитанность сына или дочери.

Воспитание вежливости так похоже на воспитание! Но уверен: подлинное воспитание происходит тогда и только тогда, когда приходится нам отдавать хоть каплю душевных сил. Однако согласитесь: обучая вежливости, мы обычно тратим не душу, а нервы – это совсем не одно и то же. Обучать вежливости можно не будучи отцом или матерью. И даже – не любя ребенка. Если бы Гек Финн задержался у вдовы Дуглас чуть подольше, она наверняка сделала бы и из него вежливого мальчика!

Даже чуткость – например, чуткость продавца к покупателю – можно заметно увеличить беседой, выговором и особенно премиальными. Сердечный же слух подобным воздействиям не поддаётся. Это слух не на слово, а на состояние. Поэтому все обычные методы воспитания – от убеждения до наказания – оказываются негодными для развития этой способности, ибо они рассчитаны прежде всего на слово.

Как же развить у ребенка сердечный слух?

Задача куда более сложная, чем освоение слов «спасибо» и «пожалуйста». Мама учит сынишку важному понятию – «нельзя». Он дотронулся до горячего, плачет. Мама поучает: «Видишь? Больно! Слушайся, когда мама говорит «нельзя». Иначе будет больно». И так – на каждом шагу: «Нельзя, упадёшь!», «Нельзя, разобьёшься!», «Нельзя, простудишься!», «Нельзя, зубки будут болеть!»...

А ведь истинное «нельзя» не тогда, когда тебе больно, а когда больно другому! Направленность на другого, чувство другого – вот первое условие развития сердечного слуха. Семья смотрит телевизор, мальчику надо пройти мимо экрана – пригнётся он? Поторопится? Значит, с сыном всё в порядке: он чувствует присутствие других людей, боится помешать им. Если же проходит спокойно, не спеша, значит, в доме зреет беда и пора собирать семейный консилиум.

Чтобы ребенок научился чувствовать другого, надо и в нём этого другого признавать. Вот мама решила воспитывать трудолюбие: «Поддай... Принеси... Помоги...» Учит любить: «Я так устала... Пожалей маму... Покажи, как ты любишь маму... Кого ты больше любишь – маму или папу?» Какой же пример

видит он перед собой с первых дней жизни? Перед ним всегда человек (да такой авторитетный – мама!), который постоянно жалуется, устаёт, нуждается в помощи, не может сам пойти и взять напёрсток, не считает зазорным каждую минуту обращаться с пустяковыми просьбами. Значит, и мне тоже можно жаловаться, затруднять других и, если больно, громогласно объявлять о своей боли – пусть мама тоже страдает!

Думаю, в такой семье ребенок никогда не поймёт: жаловаться любящим тебя – это бессовестно. Не затрудняй людей ни в чём, не огорчай их своими неприятностями, обходись по возможности сам! Этот урок должны преподать мы, взрослые. Ну а уж коли просим ребенка о чем-нибудь, скажем ему не одно, а десять «пожалуйста», чтобы он видел, как это нелегко – просить, затруднять, а потому, чтобы не смог отказать в просьбе. Если мы делаем замечание ребенку, мы вроде бы исправляем его поведение, но порой притупляем его сердечный слух.

Другой, чувство другого! Между фразами отца «Я устал» и «Мама устала» – водораздел в воспитании. Детям так трудно разгадать состояние другого человека, что многие из них ни с того ни с сего начинают думать, будто родители их не любят. Мы узнаём об этих страданиях много лет спустя...

Да, сердечный слух поначалу и обманывает. А может, и не обманывает, может, в какой-то момент мы действительно меньше любили ребенка?.. Мы возмутились бы, если бы нам об этом сказали, – а он почувствовал.

Малышу легче понять состояние другого человека, если он сам вызывает это состояние. Не затрудняй другого – и старайся обрадовать его. Первая семейная забота – кому и что мы подарим?

Женщина-инженер сказала мне о двух своих маленьких детях:

– Я стараюсь научить их отдавать. Брать они сами научатся...

И действительно, четырёхлетняя её дочка приходит с мамой в гости не иначе как с подарком в руках: мама сумела сделать так, что для девочки удовольствие – отдавать, дарить и радоваться чужой радости. В обычном нашем представлении сердечный человек прежде всего отзывчив к чужой боли. Несладко жилось людям, и в языке осталось: «со-страдание», «со-жаление», «со-чувствие». А вот «со-радости» в языке нет. Чаще хотелось бы слышать и сердечное: «Я за тебя рад», нежели: «Я тебе завидую».

Научим ребенка радоваться за других, причём радоваться бескорыстно, не соотнося чужую удачу со своими неудачами. Если дочь рассказывает, что в классе появилась отличница, от души порадуемся за незнакомую девочку и не будем торопиться с упреком: «Вот видишь? А ты?». С примерами вообще нужно быть поосторожнее. Ставя в пример сверстника, мы чаще всего возбуждаем не желание подражать, а зависть.

И – никаких упреков, если ребенок не торопится отдать, подарить, если не умеет пока что радоваться за другого. От нас требуется только одно: самим дарить, самим радоваться и... ждать. Ждать, ждать и ждать с тревожной верой в то, что наступит же день, когда ребенок сделает свой первый подарок другому человеку (а не только маме! Не только бабушке!). Будем изредка доставлять ребенку сильные впечатления. Для питания полезнее каждый день давать по яблоку, для воспитания лучше раз в году принести мешок яблок...

Воспитание сердечного слуха требует нравственной тишины. В котельном цехе – какой слух?

Папа с сыном-первоклассником подходит к дому, предупреждает: «Не будем звонить – мама больна. Откроем дверь ключом».

Прекрасный урок...

Но не успел отец договорить, как сын нажал кнопку звонка. И тогда:

– Я кому сказал? Паразит!

Там, где достаточно было огорчения, – там ненужное раздражение.

А ведь для воспитанного ребенка наказанием служит едва заметное удивление в голосе старшего, чуть-чуть приподнятая бровь: «Да что же это с тобой, миленький?» Если родителям приходится выговаривать, делать замечания, осуждать ребенка, значит, воспитание приняло опасное направление. Ребенок должен сердечным слухом своим слышать огорчение старших. Когда же огорчение это выливается в слова, в упреки, в попреки – сердечный слух становится как бы ненужным и,

следовательно, притупляется. Если я сегодня только упрекнул сына, завтра мне придётся долго выговаривать ему. И с каждым днём он будет слышать меня всё хуже и хуже. Тогда вслед за малым педагогическим набором – «Ты что, не слышишь? Оглух? Я кому говорю? Русского языка не понимаешь?» – неминуемо последует большой педагогический: сжатые кулаки, подзатыльники, ремень – и так вплоть до детской комнаты милиции. Ребенка, у которого отбит сердечный слух, воспитывать, на мой взгляд, почти невозможно. Приходится лишь пожалеть учителя, которому такой ребенок достанется.

По расстроенному пианино можно, конечно, ударить кулаком. Но ни один инструмент в мире не стал от этого звучать чище.

Неприятно видеть мальчика, который постоянно судит и осуждает товарищей, а тем более взрослых людей. Если ребенок плохо говорит о нашем госте, мы обычно стараемся поправить его. Но вот каждый вечер семья смотрит телевизор, передачу за передачей, и начинается: тот актер плох, тот повторяется, и вообще – ерунда. Эта ежевечерняя домашняя школа злословия – кошмарная тренировка в бессердечии. Незаметно для себя мы разрешаем детям судить и обсуждать взрослых без толку и без жалости. Потом мы станем требовать: «Не ругай учителя! Учитель всегда прав». Отчего же не ругать, если всех остальных взрослых ругать можно? Кстати сказать, очередь отца и матери придёт ещё раньше учителя. Не нравится передача – выключим телевизор под любым предлогом. Не зовем же мы в дом гостей только для того, чтобы потом разобрать их по косточкам?

Научим ребят любить людей – судить они научатся сами...

Сердечный слух не моральное качество, а, повторим, психическая способность. Из этого следует, что человек с развитым сердечным слухом может быть и достойным, и дурным. Каждый из нас встречал сердечных людей, которые по слабости своей приносят близким ужасные страдания.

С другой стороны, слабость вовсе не обязательный спутник сердечности, и сердечный ребенок не всегда пай-мальчик. Он может быть заводилой: ребята любят его, потому что он обидит только наглеца, а если и посмеётся над кем-нибудь, то весело. Он может и забыться, как все дети, может натворить невесть что, но тут же и спохватится, когда увидит, что зашёл далеко и от его проказ кому-то больно. Он охотно берёт чужую вину на себя, и главная его роль – роль заступника. Не потому, что он сильнее всех, а потому, что острее других чувствует чужую боль. Никого так не любят в этом мире, как сердечных людей, и хотя мальчишка с тонким сердечным слухом легко уступает и легко отдаёт, отчего-то он и больше всех получает.

Наградить ребенка сердечным слухом – лучшее, что могут сделать родители для его счастья. Что же касается правил вежливости, то когда человек подрастёт, он, наделённый сердечным слухом, сам овладеет ими – быстро и легко, по примеру старших.

Сердечный слух и вежливость – конечные свойства. Бесконечен лишь труд понимания людей. Понимать людей мы учимся всю жизнь.

Но до последней своей минуты человек с развитым сердечным слухом, даже прикованный к постели, будет беспокоиться: он затрудняет врачей и близких, доставляет им хлопоты.

Оттого, наверное, сердечные люди меньше болеют и дольше живут. Принимая жизнь близко к сердцу, они постоянно питают его жизнью.